

Online First

Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4. С.

Научная статья

УДК: 339.9:332.362

JEL Classification System: F02; Q25

doi:10.17323/1996-7845-2024-04-05

Чистая вода в Африке: гарантированное благо, общая забота человечества или экономический ресурс?¹

Д.А. Дегтерев

Дегтерев Денис Андреевич – доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики Института Африки РАН; Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; ddegtere@inafr.ru

Аннотация: *В данной статье исследуются основные подходы к водному управлению в Африке в контексте реализации права на чистую воду и санитарию. Показаны особенности как государственного, так и частного управления водным хозяйством, а также государственно-частного подхода. Представлены попытки найти «третий путь» посредством децентрализации системы управления с опорой на теоретические наработки Нобелевского лауреата Э. Остром, представителя Блумингтонской школы. Показаны различия в управлении водными ресурсами в урбанизированных районах и в сельской местности стран Африки. В последнем случае важную роль играют нормативно-ценностные установки общины, а вода является не только важным экономическим ресурсом, но и имеет большое социокультурное значение. На примере опыта Буркина Фасо показана ключевая роль государственного оператора в области водоснабжения, в целом сохранившаяся несмотря на программы структурной адаптации 1990-х гг. В работе представлены основные особенности приватизации водного хозяйства в странах «Глобального Юга» и набирающая обороты в этой связи экспертная критика. В середине 2000-х гг. от антиприватизационной повестки она сменилась продвижением права человека на чистую воду. Анализируется процесс принятия 28 июля 2010 г. резолюции ГА ООН 64/292 «Право человека на воду и санитарию» и механизмы его имплементации, в т.ч. в рамках Целей устойчивого развития (ЦУР 6), а также место водной проблематики в обсуждаемом проекте Международного пакта о праве на развитие. Представлены основные заинтересованные стороны механизмов глобального управления водным хозяйством в рамках ООН, Всемирного банка, при этом выделена особая роль ведущих водных ТНК и специализированных консультационных фирм, а также Франции. Особое внимание уделяется имплементации права на воду на Черном континенте, в т.ч. в рамках Руководящих принципов по праву на воду в Африке 2019 г., «Повестки дня 2063» и матрицы результатов, а также в национальном законодательстве (на примере ЮАР). В заключении статьи сделаны выводы о текущем состоянии с реализацией права на чистую воду в Африке.*

¹ Статья поступила в редакцию 10.06.2024.

Ключевые слова: Африка, право на развитие, чистая вода, государственно-частное партнерство, трагедия общин, общая забота человечества, приватизация.

Для цитирования: Дегтерев Д.А. Чистая вода в Африке: гарантированное благо, общая забота человечества или экономический ресурс? // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4. С. (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2024-04-05.

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта «Проект “Чистая вода” как важнейшая составляющая сотрудничества РФ со странами Глобального Юга: социально-экономическое и технологическое измерения» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2024-546).

Введение

Половина из примерно 800 млн. человек в мире, не имеющих базового доступа к питьевой воде, проживает в странах Африки южнее Сахары [UNESCO, 2023, р. 116]. Ситуация осложняется быстрым ростом численности населения (с 819 млн в 2000 г. до 1,39 млрд. чел. в 2021 г. [UN, 2022]), чередованием сухого сезона и сезона дождей и наличием сильных засух. Фактически, доля населения, испытывающего недостаток или даже дефицит воды в Африке, продолжает увеличиваться как в абсолютных, так и в относительных показателях [Ashton, 2002].

Таким образом, проблема доступа к чистой воде на континенте имеет важный и даже критический характер, а пути ее решения представлены сразу несколькими направлениями исследований. Соответственно, статья, посвященная этой проблеме, а именно поиску оптимальной модели управления водным хозяйством, также междисциплинарна и состоит из нескольких частей, в каждой из которых вводится ключевая литература по соответствующей проблематике. Что касается общего обзора литературы по водной проблематике в Африке в целом, то в исчерпывающей обзорной статье на эту тему [Olagunju et al., 2019] проведен формализованный анализ около 500 публикаций, затрагивающих все основные тренды и журналы по тематике исследования, которые легли в основу данной работы. Среди журналов исследователями были особо выделены *Water SA* (ЮАР), *International Journal of Water Resources Development*, *Water Policy*, *Water Alternatives*, *Water International*, часть из которых использовалась и при подготовке данной работы. Помимо англоязычной литературы использовался ряд материалов К. Барон (Франция) и других франкоязычных авторов во франкоязычной литературе, а также русскоязычная литература [Grishina, 2022].

В ходе исследования применяется сразу несколько теоретических подходов и методик. Значительную роль играют подходы международной политической экономии (МПЭ), в частности декомпозиция основных механизмов управления водой (раздел «Политэкономия водной проблемы», «От борьбы с приватизацией к праву на воду»). Автор придерживался принципов критического анализа в МПЭ [Hughes, Wilkinson, 2002], не ограничиваясь поверхностным обзором официальной информации. Такой анализ проводился с позиций концепции заинтересованных сторон (стейкхолдеров), но не в классической трактовке, на уровне отдельной фирмы [Freeman, 2010], а в рамках глобального управления, с позиций реализации права на воду как глобального общественного блага (раздел «Заинтересованные стороны и их интересы»), в т.ч. в рамках качественного анализа позиций сторон при голосовании по резолюции ГА ООН 64/292 «Право человека на воду и санитарии» от 28 июля 2010 г. (раздел «Становление права на чистую воду»).

Применение концепции заинтересованных сторон к проблемам глобального управления в водной сфере не ново [Lundqvist, 2000]. Например, данный подход

использовали в контексте анализа деятельности Всемирной комиссии по плотинам (1997-2001 гг.) [Wiggel, 2008, pp. 12–6]. Для формализованного моделирования интересов заинтересованных сторон в управлении общими ресурсами также применяется аппарат теории игр, в т.ч. типовая игра «Дамба» («Защита от наводнения») и другие [Degterev, 2021, pp. 144–7], а также модели олигополистической конкуренции при анализе отраслевых рынков [Degterev, 2014, pp. 157–86].

В работе также использован количественный и качественный контент-анализ доктринальных документов Африканского союза, в т.ч. Руководящих принципов по праву на воду в Африке 2019 г. (раздел «Право на воду: региональная система»), «Повестки дня-2063» и матрицы результатов Повестки (раздел «Реализация права: конкретизация целей африканского развития»). Наконец, в статье также нашли свое отражение результаты полевых исследований автора по водной проблематике в Буркина-Фасо (декабрь 2023 г.).

Политэкономия водной проблемы

Решение водной проблемы заключается как в увеличении подушевой обеспеченности водой, так и в разработке оптимальных стратегий водообеспечения. Даже при высоких уровнях обеспеченности в целом по стране, при нерациональной водной политике возможен структурный дефицит для отдельных категорий потребителей (см. табл. 1).

Таблица 1

Концептуализация водной проблемы

		Способность разрабатывать и принимать стратегии водообеспечения	
		Низкая	Высокая
Относительная подушевая обеспеченность водой	Низкая	Водная бедность	Структурное водное изобилие
	Высокая	Структурная водная бедность	Водная безопасность

Источник: [Ashton, 2002, p. 239].

Соответственно, большое внимание в теории и на практике уделяется оптимальным стратегиям управления водой (*water governance*), наибольшую известность среди которых получила концепция Комплексного (Интегрированного) управления водными ресурсами (КУВР или ИУВР). Она призвана «сбалансировать потребности в воде для экономического и социального развития с потребностями в ней для здоровья окружающей среды и экосистем» [Yamamoto, 2013]. По сути, КУВР – это целостная концепция управления водными ресурсами, призванная обеспечить достижение состояния водной безопасности [Maganda, 2016]. Данный подход широко имплементируется в Африке в целом [Mehta, Movik, 2014], в т.ч. и отдельных странах континента (например, в Буркина-Фасо) [Petit, Baron, 2009].

Практическая реализация данных стратегий связана с выбором механизмов управления водным хозяйством, которые можно свести всего к нескольким вариантам – государственные операторы, частные компании или т.н. «третий путь» [Baron, Maillefert, 2021, p. 127], связанный, прежде всего, с некоей общественной собственностью. В ряде случаев дискурс о нехватке воды инструментализируется для эмоционального обоснования той или иной стратегии [Asmal, 1998].

Широкое распространение стали приобретать механизмы государственно-частного партнерства, в т.ч. в странах Африки [Auriol, Blanc, 2007]. Как правило, при этом основные расходы на создание и поддержание капиталоемкой инфраструктуры несло государство, а сбор средств за водопользование осуществлялся частными компаниями [Baron, Bonnassieux, 2013, pp. 533–4; Komarov et al. 2008, pp. 33–4]. Это позволяло говорить о высокой эффективности частного бизнеса, не обремененного высокими постоянными издержками на поддержание инфраструктуры, но в масштабах государства при этом совокупный объем расходов на обеспечение водного хозяйства практически не сокращался.

С теоретической точки зрения вопросы управления общими ресурсами были подняты американским экологом Гарретом Хардиным в 1960-е гг. Он описал невозможность эгоистичных индивидуумов рационально распорядиться общими благами, что ведет к их истощению, т.н. «трагедии общин» [Hardin, 1968]. Элинор Остром, единственная женщина, лауреат Нобелевской премии по экономике американка (2009 г., «за анализ экономического управления, особенно общественных ресурсов» [The Nobel Prize, 2009]), считала подход Г. Хардина слишком упрощенным. По ее мнению, в традиционных общинах изначально заложены достаточно разумные механизмы распределения ресурсов, позволяющие избежать «провалов рынка» [Ostrom, 2003].

Вместе со своими коллегами по Блумингтонской школе на базе Центра анализа политики и политической теории Университета Индианы она организовала изучение механизмов распределения общих ресурсов в разных странах мира. У общин есть своя нормативная и ценностная система, которую необходимо принимать во внимание [Baron, Maillfert, 2021, pp. 132–3]. Данные установки также подкрепляются символической ролью, которую играет вода в традиционных верованиях, а также в религиях, в т.ч. в исламе [Faruqi, Biswas, Vino, 2003]. Таким образом, вода явно имеет не только экономическое измерение, но и социально-культурное, в ряде случаев – сакральное значение [Bakker, 2007, p. 441]. В целом, проблема водного обеспечения жителей традиционных общин в странах «Глобального Юга» получает все большее внимание исследователей [Smirnov, Novikov, Slabkaya, 2022].

В странах Африки основная часть коммун проживает в сельской местности, где рыночные отношения развиты в меньшей степени. Кроме того, сложились в ряде случаев достаточно непростые этно-конфессиональные отношения [Davidchuk, Degterev, Sidibe, 2021]. Соответственно, применительно к сельским районам Африки уместнее говорить не о рыночных услугах водоснабжения, а о воде, как ресурсе [Baron, Maillfert, 2021]. Мотивация городских жителей и сельских поселенцев существенно отличается: первым необходимы проточная вода как услуга, вторым – необходимые объемы водозабора для обеспечения в т.ч. сельскохозяйственных нужд. Отличаются и механизмы управления водных хозяйством, при этом у сельских жителей куда меньше потенциал влияния на формирование правил водопользования.

В целом, переход на уровень общин рассматривается западными исследователями как возможность более эффективно распределять ресурсы, избегая императива развития сильных государств и излишней централизации. Взаимосвязанные в рамках глобального мира общины рассматривались как «строительные блоки» либерального миропорядка [Ostrom, Keohane, 1995]. Более того, встроенные институциональные механизмы общин предполагалось задействовать для более гибкой коммерциализации, в т.ч. водного хозяйства [Allaire, 2013]. Соответственно, преимущественно при поддержке западных доноров, с разной долей успеха начались эксперименты по передаче части полномочий в сфере управления водным хозяйством на местный уровень в различных странах Африки [Baddianaah, Dongzagla, Salifu, 2024; Baron, Bonnassieux 2013; Baron, Maillfer, 2021; Hove

et al. 2022]. Как правило, они не являются достаточно успешными, ведь простой перенос (импорт) неадаптированных практик управления водными ресурсами на местном уровне, например, зарекомендовавших себя в Дании или Нидерландов на африканскую почву, едва ли способствовал их успешному использованию.

В «эпоху» Бандунга (1950-1970-е гг.) и преобладания на континенте сильных государств ключевой стратегией обеспечения водной безопасности являлось наличие мощных государственных операторов, игравших роль естественных монополий и занимавшихся всеми основными функциями (водозабор, транспортировка и сбыт воды). Такая политика в целом соответствовала практике, получившей распространение и в развитых странах, например в США. В этой стране государственные операторы играют ключевую роль в управлении водным хозяйством и комплексными экосистемами, например, в рамках Администрации долины Теннесси. К сожалению, в ряде случаев государственные операторы в странах «Глобального Юга», однако, не обладая достаточным количеством финансовых ресурсов начинают сокращать регионы своей работы, обслуживая лишь густонаселенные и платежеспособные районы [Bakker, 2007, p. 444].

Есть примеры и вполне успешных государственных компаний по водоснабжению в странах «Глобального Юга» [Estache, Rossi, 2002]. По факту, во многих странах Африки, даже в тех, кто находится «под режимом международной помощи» [Baron, Bonnassieux 2013; Baron, Maillefer, 2021], например, в Буркина-Фасо, государственные операторы сохранили свое квази-монопольное положение.

В этом плане показателен разрыв восприятия между реальной ситуацией «на земле» (ONEA как ключевой буркинийский оператор водного сектора) и многочисленными аналитическими материалами на тему децентрализованного водного управления (на данных презентациях новые игроки, в т.ч. коммуны, выглядят почти столь же влиятельно как и ONEA, т.е. *желаемое выдается за действительное*). Прочное положение государственного оператора обусловлено как национальными особенностями (наследие санкаризма), так и критически важной ролью водоснабжения для обеспечения политической стабильности в стране. Любые неудачные «эксперименты» с обеспечением базовой потребности миллионов людей в достаточно засушливой местности могут привести к многочисленным жертвам в прямом смысле слова.

От борьбы с приватизацией к праву на воду

С наступлением «однополярного момента» и началом программ структурной адаптации институтов Бреттон-Вудса (МВФ, Всемирный банк) в Африке [Riddell, 1992] стал доминировать дискурс об огромных дефицитах государственных водных хозяйств и их чрезвычайной неэффективности, что стало обоснованием для их скорейшей приватизации. Вода все больше стала переходить в категорию экономического ресурса. Отправной точкой послужила Дублинская конференция 1992 г., по итогам которой принято Заявление по водным ресурсам и устойчивому развитию (т.н. Дублинские принципы) [UNCED, 1992]. Впоследствии в 2000 г. была также принята Гаагская декларация [WWC, 2000], а в 2003 г. – Киотская [WWF, 2003]. Таким образом, стал формироваться «либеральный энвайроментализм» или «зеленый либерализм», постулирующий, что только рынок может решить обостряющиеся проблемы ухудшения окружающей среды [Bakker, 2007, pp. 431–2].

В концентрированном виде суть развернувшихся в 1990-е гг. реформ в системе водоснабжения стран «Глобального Юга» можно представить следующим образом (см. табл. 2).

Реформы в системе водоснабжения

Категория	Цель реформы	Тип реформы	Примеры практик
Правила управления ресурсами	Права собственности	Приватизация	Введение правового режима пользования прибрежных территорий; продажа частному сектору инфраструктуры по водообеспечению
	Регуляторная рамка	Дерегулирование	Прекращение прямого контроля государства за качеством воды
Организации управления ресурсами	Управление активами	Партнерства с частным сектором	Передача муниципалитетами подрядов на управление водными системами частным компаниям
	Организационная структура	Корпоративизация	Эволюция бизнес-моделей для обеспечения воды муниципалитетов – от отделов местных правительств к публичным компаниям
Механизмы управления ресурсами	Распределение ресурсов	Маркетизация	Создание рынка воды
	Поощрения/санкции	Коммерциализация	Введение коммерческих принципов в управлении водой
	Участие пользователей	Децентрализация	Передача

Источник: на основе [Bakker, 2007, p. 435]

В данной таблице отдельно выделены *правила* управления водными ресурсами, которые создаются нормами права, политикой и обычаями; *организации*, имплементирующие на практике данные правила, и соответствующие *механизмы*, позволяющие формировать новый порядок управления ресурсами. Как видно, в 1990-е гг. активно развитие получили процессы приватизации и коммерциализации водного хозяйства, корпоративизации (основными акторами стали корпорации), а также формированию рынков воды как рыночного ресурса [Bakker, 2007].

Практически сразу после начала глобальной приватизации водного хозяйства стала нарастать волна критики, в том числе применительно к странам «Глобального Юга», включая Африку [Bakker, 2007; McDonald, Ruiters, 2012, pp. 319–52]. Как справедливо отмечали в этой связи российские эксперты, приватизация водного хозяйства была не магистральным направлением, а краткосрочной в историческом масштабе «данью моде» [Komarov et al., 2008, pp. 32–3], а вернее политике TINA (There is No Alternative) [Chen, 2022]. Спустя достаточно короткое время история сделала «очередной» виток и на смену Вашингтонскому консенсусу пришел Пост-Вашингтонский [Hurt, Knio, Ryner, 2009].

Одним из наиболее непримиримых критиков приватизационной повестки водного хозяйства выступила канадская исследовательница Карен Баккер (1971-2023). Она обоснованно критиковала данный подход как «у истоков», на родине политики TINA, т.е. в Великобритании, выпустив книгу с говорящим за себя заголовком «Некооперативный товар» [Bakker, 2003], в странах Глобального Юга [Ibid., 2007], а также в мире в целом [Ibid., 2010]. По мнению К. Беккер, в какой-то момент коалиция альтерглобалистов и экоактивистов перешла от борьбы с приватизацией крупных операторов водоснабжения на

продвижение права человека на воду. Необходимость провозглашения права на чистую воду была обусловлена тем, что вода является незаменимым ресурсом, необходимым для человеческой жизни. Данный переход сыграл и в плюс, и в минус активистам. С одной стороны, новую коалицию за право на развитие поддержали уже вполне конвенциональные многосторонние институты (ВОЗ, ПРООН). С другой стороны, анти-приватизационная повестка и повестка права за воду не являются взаимоисключающими (права человека и права на собственность лежат в разных плоскостях), поэтому многие крупные ТНК в сфере водоснабжения даже стали выступать за новое право в надежде, что это позволит расширить их частный бизнес [Ibid., 2007, pp. 437–9].

Внимание международного сообщества к водной проблематике привлекалось и ранее, в т.ч. в рамках Конференции ООН по водным ресурсам 1977 г. в Аргентине и Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. (Саммит Земли) в Бразилии. 1981-1990 гг. были объявлены Международным десятилетием снабжения питьевой водой и санитарии, а 2005-2015 гг. – Международным десятилетием действий «Вода для жизни». Однако после того как коалиция за признание права на воду приобрела критический размер, данный шаг стал неизбежным.

Становление права на чистую воду

28 июля 2010 г. ГА ООН приняла резолюцию 64/292 «Право человека на воду и санитарии», признающую «безопасную и чистую питьевую воду и санитарии как право человека, имеющее существенно важное значение для полноценной жизни и полного осуществления всех прав человека» [UN GA, 2010b]. Согласно тексту документа, государства и международные организации призваны выделять финансовые ресурсы и передавать технологии в этой сфере развивающимся странам, а Совет по правам человека – ежегодно представлять доклад ГА ООН по реализации данного права, по которым принимаются резолюции Генассамблеи без голосования. В 2011 г. ООН учредила должность Специального докладчика по вопросу о правах человека на безопасную питьевую воду и санитарные услуги [OHCHR, n.d.].

Голосовать против гуманистической резолюции 64/292 никто не решился, а вот воздержалась 41 страна, в т.ч. 22 страны Европы², США и их союзники (Австралия, Канада, Израиль, Корея, Новая Зеландия, Япония), а также постсоветские страны, вставшие на путь евроатлантической интеграции (Армения, Казахстан, Молдова, Украина), бывшие британские колонии и протектораты в Африке (Ботсвана, Замбия, Кения, Лесото и Танзания) и Латинской Америке (Гайана, Тринидад и Тобаго), а также Эфиопия. Примечательно, что ФРГ и Франция голосовали «за», при этом франкоязычные страны Африки в большинстве голосовали «за», либо не участвовали в голосовании (Гвинея, Камерун и Чад). Всего в голосовании не участвовало 29 стран (14 – из Африки), что явно выше, чем количество тех, кто не голосовал по причине неуплаты членских взносов.

На это есть несколько причин. Так, представители Евросоюза призывали другие страны принять участие в Женевском процессе, в рамках которого уже проработаны, по их мнению, механизмы реализации права на чистую воду [GWH, 2019]. Аналогичную причину указали и представители Ботсваны. США и Великобритания выступали за дальнейшую проработку права в общем контексте в Совете ООН по правам человека и считали, что на текущем этапе право на воду и санитарии в международно-правовом смысле не существует. Эфиопия воздержалась, поскольку в резолюцию не было включено ее

² Австрия, Босния и Герцеговина, Болгария, Великобритания, Греция, Дания, Исландия, Ирландия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия, Турция, Хорватия, Чехия, Швеция, Эстония.

предложение о суверенном праве государств на собственные природные ресурсы [UN GA, 2010a].

Разногласия по проекту резолюции напоминают дебаты почти полувековой давности, связанные с принятием Международных пактов о правах человека в 1966 г. после почти 20-летнего периода обсуждения. Западные страны выступали преимущественно за политические права, провозглашая естественный характер основных прав и свобод человека, но первоначально отвергая включения социально-экономических прав в Международные пакты. СССР, социалистические страны и страны «Глобального Юга» настаивали на включение в данные документы широкого перечня социально-экономических прав, возражая против некоторых гражданских и политических прав.

В итоге была принята резолюция ГА ООН с общей преамбулой и заключительными статьями, но включающая, по сути, три отдельных международных актов – Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах [Degterev, 2013b; Kartashkin, Lukashova, 2010; Sarkar, 2009, pp. 200–6]. В первом пакте право человека на воду эксплицитно не упоминалось, но считалось подразумеваемым в контексте реализации права на достаточный жизненный уровень (ст. 11), а также права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, в т.ч. посредством улучшения всех аспектов гигиены внешней среды (ст. 12) [UN GA, 1966].

В 1986 г. в было провозглашено право на развитие, однако вода также не упоминалась, хотя и подразумевалась в контексте «доступа к основным ресурсам, образованию, здравоохранению, питанию, жилью, занятости и справедливому распределению доходов» [UN GA, 1986]. Впоследствии практически ежегодно выносятся на голосование ГА ООН (в некоторые годы – без голосования) резолюция по праву на развитие, которую всегда поддерживал СССР, и традиционно поддерживает РФ [Degterev, 2013a, pp. 71–3, 78]. РФ также поддержала и резолюции 64/292 от 2010 г.

В настоящее время активно идет разработка Международного пакта о праве на развитие. В его проекте, представленном Советом по правам человека в сентябре 2023 г., отмечается, что реализация права на развитие является «общей заботой человечества» (отличное от «общего наследия человечества») и требует «коллективных ответных действий», т.к. «ни одно государство не может решить проблемы, которые они создают» [UN HRC, 2023, p. 19]. Данная норма уже получила развитие в рамках экологического права и используется в т.ч. применительно к водной проблематике [Weiss, 2012]. Особое внимание в пакте уделяется разрешению конфликтов с реализацией различных прав. Например, водопровод, проложенный в сельской местности без соответствующих компенсаций местным жителям, не будет рассматриваться как улучшение права на развитие [UN HRC, 2023, p. 40]. Особое значение имеет оценка потенциального ущерба коренным общинам при реализации масштабных инфраструктурных проектов [UN HRC, 2023, p. 84].

В 2000-2015 гг. в рамках Целей развития тысячелетия была сформулирована цель 7. Обеспечение экологической устойчивости, задача 3 которой включала сокращение «вдвое к 2015 году доли населения, не имеющего постоянного доступа к безопасной питьевой воде и основным санитарно-техническим средствам. По оценке ООН, данная задача была выполнена на 5 лет раньше 2015 г. [UN MDG, n.d.], однако к концу 2015 г. каждый третий человек на земле не имел доступа к безопасной питьевой воде, 6 из 10 человек не имели доступа к санитарии. Соответственно, на 2016-2030 гг. в рамках Целей устойчивого развития (ЦУР) была сформулирована отдельная Цель 6. Чистая вода и санитария [UN SDG,

n.d.]. Примечательно, что по оценке ЦИМИ РАНХиГС, в ЮАР доля населения, пользующегося услугами безопасного водоснабжения, в 2015-2020 гг. сократилась с 84% до 81% [Sakharov, Dorokhina, 2023, p. 102], что в целом соответствует тезису, высказанному в самом начале статьи. В марте 2023 г. состоялась Конференция ООН по водным ресурсам, на которой была принята Повестка дня действий по воде [UN WC, 2023].

Заинтересованные стороны и их интересы

Закрепление на международном уровне нового права человека и включение в состав ЦУР отдельной цели 6 по чистой воде привлекло внимание целого ряда серьезных игроков к водной проблематике, каждый из которых преследует собственный интерес. Обычный объем рынка пресной воды оценивается в 600 млрд. евро и становится одним из крупнейших в мировой хозяйственной системе [Maurel, 2023]. Как правило, бизнес-интересы теперь напрямую не афишируются, а «запакованы» под реализацию высоких международных целей. «Распакуем» часть из них в этом разделе.

В системе ООН ключевым актором стала Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), а также механизм координации деятельности более 30 различных учреждений Организации по водной проблематике ООН-Водные ресурсы [UN W, n.d.]. Традиционным актором по водной проблематике является ЮНЕСКО, первый генеральный директор которой Дж. Хаксли занимался проблемами охраны окружающей среды. В рамках ЮНЕП ведется мониторинг достижения задачи 6.5 ЦУР, связанный с переходом на системы КУВР и трансграничное сотрудничество в данной сфере. Данную работу проводит Центр по воде и окружающей среде, созданный ЮНЕП совместно с датской консалтинговой компанией *DHI* в 1996 г. при финансовой поддержке датского агентства помощи *DANIDA*. *DHI* имеет более 1 тыс. сотрудников, ведущих проекты по водоснабжению в 25 странах мира, действуя как некоммерческий фонд и являясь филиалом Датской академии технических наук (*ATV*) [UNEP-DHI, n.d.]. Центр по воде и окружающей среде запустил портал по имплементации КУВР [IWRM, n.d.], являющийся официальным хранилищем данных по ЦУР 6.5.1, которое содержит уже информацию из 191 страны за 2017, 2020 и 2023 гг. (три раунда отчетности).

По мнению французского профессора-историка Х. Морель, «вторжение частного сектора во внутреннюю работу ООН началось в 2000-х гг.» в рамках инициативы Кофи Аннана по Глобальному договору ООН. Х. Морель считает, что ведущие ТНК в сфере водоснабжения, такие как французские *Suez* (ныне – *GDF Suez*) и *Veolia*, американская *Water*, британская *Thames Water*, бразильская *Sabesp* и швейцарская *Nestlé* оказывают существенное влияние на дискуссии и содержание принимаемых документов [Maurel, 2023].

Ключевым актором глобального управления в сфере чистой воды является Всемирный банк – основной двигатель неолиберальных программ Структурной адаптации экономики, позволивших по сути реколонизировать Африку [Riddell, 1992]. Речь идет о формировании «глобального верховного командования водными ресурсами» в трактовке политэкономиста Р. Петреллы [Mauler, 2023 is this supposed to be Maurel?]. Французский исследователь-альтерглобалист, член команды *Monde diplomatique* С. Ледер, считает, что данную «олигархию» возглавляет Всемирный банк [Leder, 2023]. В рамках банка функционирует Группа глобальных решений по водной безопасности и комплексному управлению водными ресурсами (*GSG*).

Непосредственно на Черном континенте Всемирный банк реализует партнерство «Сотрудничество по международным водам в Африке» (*CIWA*) [WB, n.d.] при финансовой поддержке Дании, ЕС, Нидерландов, Норвегии, Швеции и Великобритании. Данный траст-фонд финансирует работу по трансграничным африканским рекам, причем 75%

финансирования приходится на бассейны четырех рек – Нил, Нигер, Вольта и Замбези. Фактически, на практике реализуется концепция общего наследия человечества, изложенная в предыдущем разделе и выводящая решение проблем эксплуатации водных ресурсов на наднациональный уровень.

Ключевую роль в глобальном водном управлении играет Франция, по сути, разрабатывающая свою политику управления водными ресурсами. Не последнюю роль в этом сыграло и то, что бывшие французские колонии – основные реципиенты французской помощи – наиболее засушливые страны мира. При ключевой роли французских водных ТНК Suez и Veolia (ранее – Vivendi) и Всемирного банка в г. Марселе в 1996 г. был создан Всемирный водный совет (*WWC / CMC*) [*WWC, n.d.*], вырабатывающий глобальное неолиберальное видение на водопользование. По факту, в рамках консультаций с многочисленными стейкхолдерами происходит сопряжение бизнес-интересов ключевых (преимущественно, западных) игроков глобального водного рынка, в т.ч. англо-саксонских и французских (своего рода, «водный аналог» ОЭСР, как основной структурной силы Запада в сфере экономики). С 1997 г. Всемирный водный совет проводит 1 раз в 2-3 года Всемирный водный форум (в 2022 г. Форум прошел в г. Дакар, Сенегал). С 1991 г. в Париже также действует Международный офис по воде (*OIE*), призванный формировать навыки эффективного управления водными ресурсами во Франции и более чем в 70 странах мира [*RFI, 2021*].

Помимо крупных ТНК, занимающихся поставками бутилированной воды и управлением системами водоснабжения городских агломераций, во Франции также есть ряд специализированных компаний (по аналогии с датской *DHI*), специализирующихся на технической экспертизе проектов водоснабжения. Например, Verghnet-Hydro – крупнейший из таких операторов, работающий в 35 странах Африки (в Буркина Фасо – «под вывеской» Faso Hydro), и взаимодействующая с 3,5 тыс. специалистами по водоснабжению в сельской местности [*VH, n.d.*]. Данная компания на практике реализует проект передачи компетенций от крупных государственных операторов к местным акторам рынка водоснабжения. В данном сегменте работают также многочисленные НКО и благотворительные организации.

Поскольку французские операторы работают везде по миру, они проводят обширные теоретические исследования на основе обобщения своего опыта [*Guy-Romain et al., 2006; Lograin, 1997*]. Это не только обобщение опыта реализации бизнес-проектов французского бизнеса, но и прикладные исследования [*Jaglin, 2005*], которые исследователи-африканисты из ведущих вузов страны делают в рамках проектов Французского агентства развития (*AFD*), Национального центра научных исследований (*CNRS*), Института исследований в области развития (*IRD*) [*Abramova, Degterev, 2024*].

Важную роль в решении водной проблемы Африки призваны сыграть новые технологии и подготовка соответствующих кадров, в том числе в контексте российско-африканского сотрудничества в водной сфере [*Tsarev, 2017*]. Примечательно что, водная проблематика находилась в центре внимания 2-го саммита РФ-Африка (июль 2023 г.). Так, госкорпорация Росатом заключила соглашение о партнерстве с марокканской компанией Water and Energy Solutions в области атомного опреснения морской воды. В рамках Петербургского экономического форума в июне 2024 г. по инициативе Минприроды РФ прошла трехдневная российско-африканская конференция «Вода дороже золота» [*NP, 2024*]. Постепенно РФ также становится одним из игроков в решении водной проблемы континента.

Право на воду: региональная система

Ключевым событием в становлении региональной системы прав человека в Африке стало вступление в силу в 1986 г. Африканской Хартии по правам человека и народов 1981 г. [Abashidze, 2017]. Особый акцент в хартии сделан преимущественно на политические права, в то время как социально-экономические освещаются куда меньше. Среди них, право на работу «в справедливых и удовлетворительных условиях» (ст. 15), «право на наилучшее достижимое состояние физического и психического здоровья» (ст. 16), право на свободное распоряжение природными ресурсами (ст. 21), право на «общую удовлетворительную внешнюю среду, благоприятную для их развития» (ст. 24) [OAU, 1971]. Африканские правоведы в этой связи отмечают, что право на воду и санитарии заняли свое место (не самое высокое) в иерархии социально-экономических прав, а последние – в свою очередь, свое место в общей иерархии (тоже не самое высокое) африканских прав человека и народов [Bulto, 2011, p. 342].

Тем не менее, к 2019 г. Африканская комиссия по правам человека и народов (рабочая группа по экономическим, социальным и культурным правам) разработала достаточно подробные и четкие Руководящие принципы по праву на воду в Африке [ACHPR, 2019]. В преамбуле содержится ряд озабоченностей, критических по отношению к ТНК и международным институтам, продвигающим приватизацию водного хозяйства, а также по отношению к добывающим компаниям, наносящим урон источникам питьевой воды. Более того, в 6 части (ст. 32-33) подробно описываются ограничения при передаче водного хозяйства частным компаниям. Прямо указано, что «в законодательстве о правах человека не предполагается, что делегирование (частным компаниям) необходимо или более эффективно» (ст. 32.2). Государства «сохраняют ответственность в случае ущерба, причиненного деятельностью частного оператора воды» (стр. 32.8). Утверждается, что «вода должна рассматриваться в первую очередь как социальное и культурное благо, а не как экономическое благо» (ст. 12.3).

В качестве необходимого минимума указывается объем в 50-100 литров воды на человека в день, рекомендованный ВОЗ, а абсолютный минимум – в 20 литров (ссылки 3 и 6). Отмечается особая важность управления водными ресурсами на уровне местных сообществ (ст. 8.5-8.7) и обеспечения прав коренных общин (ст. 13.2, ст. 27.1, 27.2). Особо отмечается, что экспорт воды возможен в случае, если право на воду полностью реализуется внутри страны (ст. 13.5).

При формировании тарифов на воду должны учитываться приоритеты обеспечения долгосрочного функционирования систем, а не только соображения прибыли. Кроме того, устанавливаются ценовые ориентиры на воду для всех провайдеров, в т.ч. частных (ст. 15.2). Обозначено, что отключение от пользования водными услугами невозможно из-за неоплаты, если у человека нет иного источника воды (ст. 10.2, 15.5, 15.6), а для маргинализированных групп населения отключение в принципе невозможно (ст. 15.4). Государство обязуется проводить воду и в «неофициальные населенные пункты» (ст. 18.1), т.е. в стихийные поселения без соответствующего оформления прав собственности.

В конце преамбулы, а также в ст. 3.3 и 4 содержится призыв к государствам континента принять все меры для имплементации положений Руководящих принципов в национальное законодательство и содействовать последующей их реализации с использованием всех имеющихся ресурсов. Отмечается основная ответственность государств за обеспечение соответствующих прав на их территории (ст. 1). Государства обязаны назначить «первичное учреждение, ведущее регулирование водных ресурсов», а также сформировать «координирующий орган с участием всех соответствующих государственных и негосударственных заинтересованных сторон» (ст. 34.2) [ACHPR, 2019].

Ряд стран закрепили право на доступ к воде и/или санитарным услугам в своих конституциях. При том, что закрепление прав в конституциях не гарантирует их осуществления, оно обеспечивает правовую основу и является проявлением политической воли [du Plessis, 2010; Теумуров, 2014]. В Южной Африке, пожалуй, одна из самых проработанных нормативно-правовых систем в этой области на континенте – еще в первой постапартейдной Конституции 1996 г. декларировалось право на «достаточное количество еды и воды» (ст. 27 1b) [Government of South Africa, 1996]. В рамках детализации данного права в ЮАР был принят Национальный закон о воде, Закон об услугах водоснабжения, Политика бесплатного обеспечения базовым водоснабжением и Обязательные правила в отношении национальных стандартов и мер по экономии воды в Африке.

Реализация права: конкретизация целей африканского развития

«Генеральным планом» по развитию Африки и достижению ею на региональном уровне Целей устойчивого развития является рамочный документ «Повестка 2063. Африка, которую мы хотим» [Abramova, Morozenskaya, 2016, pp. 408–11], в котором вода упоминается более 60 (!) раз [AU, 2015].

Обеспечение водной безопасности является приоритетной сферой для достижения цели формирования «экологически и климатически устойчивой экономики и сообщества», которая, в свою очередь, является составляющей на пути реализации Стремления 1 по построению «процветающей Африки, основанной на инклюзивном росте и устойчивом развитии» (стр. 15, 105, 110). Чистая вода и санитария – *sine qua non* формирования «современной, доступной и пригодной для жизни среды обитания» (стр. 32). При этом ставится задача сделать континент полностью водообеспеченным к 2030 г. в т.ч. за счет новых технологий и очистки сточных вод (стр. 115), а также улучшения трансграничного и устойчивого управления водными ресурсами (стр. 35, 133) для предотвращения конфликтов (стр. 82). С другой стороны, водоснабжение (строительство водоводов) упоминается и в контексте реализации Стремления 2 – построения интегрированного континента.

Неразвитость систем водоснабжения и канализации относится к числу проблем здравоохранения на континенте (стр. 59). Расширение доступа к базовым услугам в сфере водоснабжения и канализации выступает в качестве одного из приоритетных действий по урбанизации и развитию населенных пунктов (стр. 62). Отмечается, что Африка – второй по засушливости континент в мире после Австралии и ряд стран (в т.ч. все страны Африканского Рога) близки к ситуации водного стресса, что неблагоприятно влияет на развитие сельского хозяйства и обеспечение продовольствием (стр. 68). Водные ресурсы – это составная часть «голубой экономики» континента [Амухаева, Degterev, 2022], в т.ч. среда обитания рыбных ресурсов (стр. 69). Встает вопрос защиты водных ресурсов в т.ч. в контексте климатических изменений (стр. 70) и истощения природных ресурсов (стр. 114). В контексте положения детей в Африке особо отмечается, что «отсутствие доступа к чистой воде и канализации в Африке приводит к гибели детей со скоростью, эквивалентной падению авиалайнера каждые четыре часа» (стр. 87).

Помимо текстового документа, «Повестка-2063» также представлена сквозным планом мероприятий (Матрица результатов) (см. табл. 3).

Таблица 3

Водная проблематика в Матрице результатов «Повестки дня 2063»

№	Название приоритета	Пути достижения
---	---------------------	-----------------

1.1.4	Современные и пригодные для жизни места обитания и качественные базовые услуги	К 2063 г. сократить на 95% (от показателей 2013 г.) количество населения, не имеющего доступ к безопасной питьевой воде (цель <i>f</i>) и канализации (цель <i>g</i>)
1.4.2.	Производство, индустриализация и добавленная стоимость, основанные на НТИ	Разработать программы по снижению затрат на ресурсы (в т.ч. водные) для обеспечения конкурентоспособного производства.
1.5.1	Производительность и производство сельского хозяйства	Разработать политику точной оценки природных ресурсов (в т.ч. водных), необходимых для сельскохозяйственного производства.
1.6.	Морские ресурсы. Энергия	Для островных государств обеспечить стимулы и среду для создания новых предприятий по (i) использованию глубоководных океанских вод, (iv) морской биотехнологии, (vi) развитию аквакультуры
1.7.1	Устойчивые модели потребления	Домохозяйствам, общинам и гос. учреждениям вести устойчивый образ жизни в отношении использования воды
1.7.3	Водная безопасность	-Повысить к 2063 г. уровень удовлетворения спроса на воду на 100% (от показателей 2013 г.) -Повышение к 2030 г. уровня продуктивности воды в результате неорошаемого земледелия и ирригация на 60 % (от показателей 2013 г.) -Не менее 90 процентов сточных вод перерабатываются для сельскохозяйственных и промышленных целей к 2063 г.

Источник: [AU, 2015, pp. 136–71]

Как видно из табл. 3, водная проблематика является составной частью достижения пяти различных приоритетов, а также имеет отдельный приоритет 1.7.3 «Водная безопасность». В рамках него предполагается формирование национальных рамок в контексте Комплексного управления водными ресурсами (КУВР), внедрение механизмов регионального управления водосборами, а также новых технологий для повышения эффективности использования воды (стр. 148). В целом, количественный и качественный контент-анализ водной проблематики в «Повестке 2063» достаточно репрезентативно отражает основные направления конкретизации целей африканского развития в данной сфере. В сотрудничестве с ЭКА ООН и АфБР Афросоюз также запустил «Водное видение Африки 2025 г.» [AFDB, n.d.]. Данный документ призван учесть «узкие места» в обеспечении континента водой, сдерживающие устойчивое социально-экономическое развитие.

По ряду факторов, далеко не все мероприятия, намеченные в рамках «Повестки дня-2063» будут реализованы. Наиболее подробный критический анализ деятельности интеграционных институтов Афросоюза, позволяющий увидеть ключевые препятствия, представлен, например, в работах К. Готтшалька [Gottschalk, 2020, 2024]

* * *

Несмотря на то, что в 2010 г. на уровне ГА ООН было провозглашено право человека на чистую воду, практическая имплементация ее в Африке пока не позволяет добиться кардинального решения данной проблемы. На фоне быстрого роста численности населения, количество жителей континента, не имеющих доступ к чистой воде и канализации, лишь продолжает увеличиваться. Предпринимаемые международным сообществом реформы в сфере глобального управления водным хозяйством вызывают у африканцев опасения в связи с избыточной коммерциализацией воды. «Третий путь», связанный с децентрализацией водоснабжения на уровне отдельных коммун, также постепенно получает распространение на континенте, особенно в сельской местности.

С учетом того, что проблема доступа к чистой воде на континенте имеет критически важный характер, вода не может выступать сугубо экономическим ресурсом. Речь идет скорее о гарантированном благе (особенно для бытового потребления), важную роль в обеспечении которого играют в т.ч. международные партнеры, вносящие свой вклад в трансфер современных технологий водного хозяйства и подготовку кадров.

Список источников (References):

Abashidze A. Kh. (ed) (2017) *Afrikanskaja sistema zashhity prav cheloveka i narodov* [*African System for the Protection of Human and Peoples' Rights*]. Moscow: Yurait (in Russian).

Abramova E. A., Degterev D. A. (2024) «Arhitektory FransAfrik»? Jekspertno-analiticheskoe obespechenie sovremennoj politiki Francii v Afrike ["Architects of FranceAfrique"? Expert and Analytical Support for France's Modern Policy in Africa]. *Sovremennaya Evropa*, no 4, pp. 4–24. Available at: <http://doi.org/10.31857/S0201708324050061> (in Russian).

Abramova I. O., Morozenskaya, E. V. (eds) (2016) *Afrika: sovremennye strategii jekonomicheskogo razvitija* [*Africa: Modern Strategies for Economic Development*]. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).

African Commission on Human and Peoples' Rights (ACHPR) (2019) Guidelines on the Right to Water in Africa. 31 July. Available at: <https://achpr.au.int/en/node/904> (accessed 30 August 2024).

African Development Bank (AFDB) (n.d.) Africa Water Vision 2025: Equitable and Sustainable Use of Water for Socioeconomic Development. Available at: <https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Generic-Documents/african%20water%20vision%202025%20to%20be%20sent%20to%20wwf5.pdf> (accessed 30 August 2024).

African Union (AU) (2015) Agenda 2063. The Africa We Want. Framework Document. Available at: https://au.int/sites/default/files/documents/33126-doc-framework_document_book.pdf (accessed 30 August 2024).

Allaire G. (2013) Les communs comme infrastructure institutionnelle de l'économie marchande [The Commons as an Institutional Infrastructure of the Market Economy]. *Revue de la regulation*, no 14, pp. 2–28. Available at: <https://doi.org/10.4000/regulation.10546> (in French).

- Amuhaya C. A., Degterev D. A. (2022) Development of the Blue Economy Concept in Eastern Africa: Strategic Frameworks and a Simmering Conflict. *Review of African Political Economy*, vol. 49, no 173, pp. 507–19. Available at: <https://doi.org/10.1080/03056244.2022.2042239>
- Ashton P. J. (2002) Avoiding Conflicts Over Africa's Water Resources. *Ambio*, vol. 31, no 3, pp. 236–42. Available at: <https://doi.org/10.1579/0044-7447-31.3.236>
- Asmal K. (1998) Water as a Metaphor for Governance: Issues in the Management of Water Resources in Africa. *Water Policy*, vol. 1, issue 1, pp. 95–101. Available at: [https://doi.org/10.1016/S1366-7017\(98\)00009-9](https://doi.org/10.1016/S1366-7017(98)00009-9)
- Auriol E., Blanc A. (2007) Public Private Partnerships in Water and Electricity in Africa. AFD Working Paper No 38, Agence Française de Développement. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/47147768.pdf> (accessed 13 November 2024).
- Baddianaah I., Dongzagla A., Salifu S. N. (2024) Navigating Access to Safe Water by Rural Households in Sub-Saharan Africa: Insights From North-Western Ghana. *Sustainable Environment*, vol. 10, issue 1, 2303803. Available at: <https://doi.org/10.1080/27658511.2024.2303803>
- Bakker K. J. (2003) *An Uncooperative Commodity: Privatizing Water in England and Wales*. Oxford University Press. Available at: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199253654.001.0001>
- Bakker K. J. (2007) The “Commons” Versus the “Commodity”: Alter-Globalization, Anti-Privatization and the Human Right to Water in the Global South. *Antipode*, vol. 39, issue 3, pp. 430–55. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2007.00534.x>
- Bakker K. J. (2010) *Privatizing Water: Governance Failure and the World's Urban Water Crisis*. Cornell University Press, 2010.
- Baron C., Bonnassieux A. (2013) Gouvernance hybride, participation et accès à l'eau potable Le cas des associations d'usagers de l'eau (AUE) au Burkina Faso [Hybrid Governance, Participation and Access to Drinking Water: The Case of Water User Associations (WUAs) in Burkina Faso]. *Annales de géographie*, no 5, pp. 525–48. Available at: <https://doi.org/10.3917/ag.693.0525> (in French).
- Baron C., Maillefert M. (2021) Le commun eau territorialisé : dynamique de construction et politisation. Eclairages à partir de cas au Burkina Faso et en Indonésie [The Territorialized Water Commons: Construction Dynamics and Politicization. Insights From Cases in Burkina Faso and Indonesia]. *Flux*, no 2-3, pp. 127–42. Available at: <https://doi.org/10.3917/flux1.124.0127> (in French).
- Bulto T. S. (2011) The Human Right to Water in the Corpus and Jurisprudence of the African Human Rights System. *African Human Rights Law Journal*, vol. 11, no 2, pp. 341–67. Available at: <https://scielo.org.za/pdf/ahrlj/v11n2/03.pdf> (accessed 13 November 2024).
- Chen J. (2022) TINA: An Acronym For “There Is No Alternative” Defined. Investopedia, 10 September. Available at: <https://www.investopedia.com/terms/t/tina-there-no-alternative.asp> (accessed 30 August 2024).
- Davidchuk A. S., Degterev D. A., Sidibe W. (2021) Conflict in Mali: Relationships Between the Main Actors. *Asia and Africa Today*, issue 12, pp. 47–56. Available at: <https://doi.org/10.31857/S032150750017789-9>

Degterev D. A. (2013a) Rossijskaja Federacija kak novyj mezhdunarodnyj donor: dilemmy identichnosti [The Russian Federation as a New International Donor: Dilemmas of Identity]. *International Organisations Research Journal*, vol. 8, no 2, pp. 69–85. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2013/07/10/1289631850/4.pdf> (accessed 13 November 2024) (in Russian).

Degterev D. A. (2013b) Sodejstvie mezhdunarodnomu razvitiyu: jevoljucija mezhdunarodno-pravovyh rezhimov [Assistance to International Development: Evolution of International Legal Regimes (Part 1)]. *Bulletin of the Federal Budgetary Institution "State Registration Chamber Under the Ministry of Justice of the Russian Federation"*, no 3, pp. 59–67 (in Russian).

Degterev D. A. (2014) *Teoretiko-igrovoj podhod v marketinge* [Game-Theoretic Approach to Marketing]. Moscow: RUDN (in Russian).

Degterev D. A. (2021) *Teoretiko-igrovoj podhod v prave* [Game-Theoretic Approach to Law]. Moscow: Lenand (in Russian).

du Plessis A. (2010) A Government in Deep Water? Some Thoughts on the State's Duties in Relation to Water Arising From South Africa's Bill of Rights. *Review of European Community and International Environmental Law (RECIEL)*, vol. 19, no 3, pp. 316–27. Available at: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-9388.2010.00692.x>

Estache E., Rossi C. (2002) How Different Is the Efficiency of Public and Private Water Companies in Asia? *World Bank Economic Review*, vol. 16, no 1, pp. 139–47. Available at: <https://doi.org/10.1093/wber/16.1.139>

Faruqui N., Biswas A., Bino M. (eds) (2003) *La gestion de l'eau selon l'Islam* [Water Management According to Islam]. Paris: Karthala (in French).

Freeman R. E. (2010) *Strategic Management. A Stakeholder Approach*. Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139192675>

Geneva Water Hub (GWH) (2019) The Geneva List of Principles on the Protection of Water Infrastructure. Geneva Water Hub. Available at: <https://www.genevawaterhub.org/geneva-list> (accessed 30 August 2024).

Gottschalk K. (2020) African Peacekeeping and African Integration: Current Challenges. *Vestnik RUDN: International Relations*, vol. 20, no 4, pp. 678–86. Available at: <https://10.22363/2313-0660-2020-20-4-678-686>

Gottshalk K. (2024) Six Decades of African Integration: Successes and Failures. *Journal of the Institute for African Studies*, no 2, pp. 24–39. Available at: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-24-39>

Government of South Africa (1996) Constitution of the Republic of South Africa. Chapter 2: Bill of Rights. Available at: <https://www.gov.za/documents/constitution/chapter-2-bill-rights> (accessed 30 August 2024).

Grishina N. V. (2022) Vodnye resursy Afriki juzhnee Sahary: vozmozhnosti i problemy ispol'zovanija [Water Resources of Sub-Saharan Africa: Possibilities and Problems of Use]. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Guy-Romain K. K., Mpakam H., Ndonwy S. A., Bopda S. D., Ekodeck G. (2006) Gestion integree des ressources en eau et objectifs du millenaire pour le developpement en Afrique: Cas du Cameroun [Integrated Water Resources Management and the Millennium Development Goals in

Africa: The Case of Cameroon]. *Vertigo*, vol. 7, no 2. Available at: <https://doi.org/10.4000/vertigo.2319> (in French).

Hardin G. (1968) The Tragedy of the Commons. *Science*, vol. 162, issue 3859, pp. 1243–8. Available at: <https://doi.org/10.1126/science.162.3859.1243>

Hove J., D’Ambruoso L., Kahn K., Witter S., van der Merwe K., Mabetha D., Tembo K., Twine R. (2022) Lessons From Community Participation in Primary Health Care and Water Resource Governance in South Africa: A Narrative Review. *Global Health Action*, vol. 15, issue 1, 2004730. Available at: <https://doi.org/10.1080/16549716.2021.2004730>

Hughes S., Wilkinson R. (eds) (2002) *Global Governance: Critical Perspectives*. London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203302804>

Hurt S. R., Knio K., Ryner J. M. (2009) Social Forces and the Effects of (Post)-Washington Consensus Policy in Africa: Comparing Tunisia and South Africa. *The Round Table*, vol. 98, issue 402, pp. 301–17. Available at: <https://doi.org/10.1080/00358530902895394>

Integrated Waters Resources Management (IWRM) Data Portal (n.d.) Available at: <https://iwrmdataportal.unepdhi.org/> (accessed 30 August 2024).

Jaglin S. (2005) *Services d’eau en Afrique subsaharienne. La fragmentation urbaine en question* [Water Services in Sub-Saharan Africa: Urban Fragmentation in Question]. Paris: CNRS Editions (in French).

Kartashkin V. A., Lukasheva E. A. (2010) Mezhdunarodno-pravovye standarty prav cheloveka: universalizm, regionalizm, realii [International Legal Standards of Human Rights: Universalism, Regionalism, Realities]. *State and Law*, no 7, pp. 37–45 (in Russian).

Komarov I. K., Lemeshev M. Ya., Maksimov A. A., Maslov B. S. (2008) Privatizacija vodnyh uslug: blago ili bedstvie [Privatization of Water Services: Blessing or Disaster]? *Observer*, no 10 (225), pp. 32–45 (in Russian).

Leder S. (2023) Droit, besoin ou merchandise? [Right, Need or Merchandise?] *Le Monde diplomatique*. Available at: <https://www.monde-diplomatique.fr/2023/06/A/65826> (accessed 30 August 2024) (in French).

Lorrain D. (ed) (1997) *Urban Water Management: French Experience Around the World*. Levallois Perret: Hydrocom Editions.

Lundqvist J. (2000) Rules and Roles in Water Policy and Management. *Water International*, vol. 25, issue 2, pp. 194–201. Available at: <https://doi.org/10.1080/02508060008686818>

Maganda C. (2016) Water Security Debates in “Safe” Water Security Frameworks: Moving Beyond the Limits of Scarcity. *Globalizations*, vol. 13, issue 6, pp. 683–701. Available at: <https://doi.org/10.1080/14747731.2015.1133605>

Maurel C. (2023) The UN Must Speak Up Loud and Clear for the Right to Water – Without Being Shackled by the Interests of Big Business. *Equal Times*, 7 September. Available at: <https://www.equaltimes.org/the-un-must-speak-up-loud-and?lang=en> (accessed 30 August 2024).

McDonald D. A., Ruiters G. (eds) (2012) *Alternatives to Privatization: Public Options for Essential Services in the Global South*. Cape Town: HSRC Press. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203147061>

Mehta L., Movik S. (2014) Flows and Practices: Integrated Water Resources Management (IWRM) in African Contexts. IDS Working Paper No 438, Institute of Development Studies. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.2040-0209.2014.00438.x>

National Projects (NP) (2024) Na PMJeF otkrylas' rossijsko-afrikanskaja konferencija «Voda dorozhe zolota» [The Russian-African Conference “Water Is More Valuable Than Gold” Opened at the SPIEF]. 6 June. Available at: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/nam-pemef-otkrylas-rossijsko-afrikanskaya-konferentsiya-voda-dorozhe-zolota/> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

Office of the High Commissioner for Human Rights (OHCHR) (n.d.) About the Mandate: Special Rapporteur on the Human Rights to Safe Drinking Water and Sanitation. Available at: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-water-and-sanitation/about-mandate> (accessed 30 August 2024).

Olagunju A., Thondhlana G., Chilima J. S., Sène-Harper A., Compaoré W. R., Ohiozebau E. (2019) Water Governance Research in Africa: Progress, Challenges and an Agenda for Research and Action. *Water International*, vol. 44, issue 4, pp. 382–407. Available at: <https://doi.org/10.1080/02508060.2019.1594576>

Organisation of African Unity (OAU) (1971) African Charter on Human and People’s Rights. Available at: https://au.int/sites/default/files/treaties/36390-treaty-0011_-_african_charter_on_human_and_peoples_rights_e.pdf (accessed 30 August 2024).

Ostrom E. (2003) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press.

Ostrom E., Keohane R. (eds) (1995) *Local Commons and Global Interdependence: Heterogeneity and Cooperation in Two Domains*. London: SAGE.

Petit O., Baron C. (2009) Integrated Water Resources Management: From General Principles to Its Implementation by the State: The Case of Burkina Faso. *Natural Resources Forum*, vol. 33, issue 1, pp. 49–59. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1477-8947.2009.01208.x>

RFI (2021) Le coq chante - L’Office international de l’eau [The Rooster Crows: The International Water Board]. 9 January. Available at: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/le-coq-chante/20210109-l-office-international-de-l-eau> (accessed 30 August 2024) (in French).

Riddell B. (1992) Things Fall Apart Again: Structural Adjustment Programmes in Sub-Saharan Africa. *Journal of Modern African Studies*, vol. 30, issue 1, pp. 53–68. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0022278X00007722>

Sakharov A. G., Dorokhina, K. M. (2023) The BRICS Sustainable Development Index: Findings. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 1, pp. 75–106. Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-01-03>

Sarkar R. (2009) *International Development Law: Rule of Law, Human Rights, and Global Finance*. Oxford University Press.

Smirnov O. A., Novikov A. V., Slabkaya D. N. (2022) Pravovaja model' sobstvennosti korennyh zhitelej na prirodnye resursy: na primere prava na vodu aborigenov Avstralii [Legal Model of Ownership of Natural Resources by Indigenous Peoples: Using the Example of the Right to Water of Australian Aborigines]. *Issues of Russian and International Law*, vol. 12, no 1A, pp. 389–97.

Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2022-1/f2-smirnov-novikov-slabkaya.pdf> (accessed 13 November 2024) (in Russian).

Teymurov E. S. (2014) Obespechenie prava na vodu: pozicii Jekonomicheskogo i social'nogo soveta OON, Evropejskogo suda po pravam cheloveka i nacional'nyh sudov Indii i Juzhno-Afrikanskoj Respubliki [Ensuring the Right to Water: Positions of the UN Economic and Social Council, the European Court of Human Rights and National Courts of India and South Africa]. *Eurasian Law Journal*, no 4 (71), pp. 65–9. Available at: https://msal.ru/upload/medialibrary/cea/pravo-na-vodu-_ekosos_espch.pdf (accessed 13 November 2024) (in Russian).

The Nobel Prize (2009) The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2009: Elinor Ostrom. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2009/ostrom/facts/> (accessed 30 August 2024).

Tsarev P. G. (2017) Sotrudnichestvo Rossii i Afriki v vodnoj sfere [Russian-African Cooperation in the Sector of Water Resources]. *Journal of the Institute for African Studies*, no 2, pp. 66–76.

United Nations (UN) (2022) World Population Prospects 2022. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/3989515?v=pdf> (accessed 13 November 2024).

United Nations Conference on Environment and Development (UNCED) (1992) The Dublin Statement on Water and Sustainable Development. Available at: <https://www.gdrc.org/uem/water/dublin-statement.html> (accessed 30 August 2024).

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) (2023) The United Nations World Water Development Report 2023. Partnerships and Cooperation for Water. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384655> (accessed 13 November 2024).

United Nations Environment Programme (UNEP)-DHI (n.d.) UNEP-DHI Centre on Water and Environment: About Us. Available at: <https://unepdhi.org/about-us/> (accessed 30 August 2024).

United Nations General Assembly (UN GA) (1966) International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted 16 December 1966 by UN GA Resolution 2200A (XXI). Available at: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights> (accessed 30 August 2024).

United Nations General Assembly (UN GA) (1986) Declaration on the Right to Development. A/RES/41/128. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/126476?v=pdf> (accessed 30 August 2024).

United Nations General Assembly (UN GA) (2010a) General Assembly Adopts Resolution Recognizing Access to Clean Water, Sanitation as Human Right, by Recorded Vote of 122 in Favour, None Against, 41 Abstentions. GA/10967, 28 July. Available at: <https://press.un.org/en/2010/ga10967.doc.htm> (accessed 30 August 2024).

United Nations General Assembly (UN GA) (2010b) The Human Right to Water and Sanitation. A/RES/64/292. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/687112?ln=en> (accessed 30 August 2024).

United Nations Human Rights Council (UN HRC) (2023) Draft International Covenant on the Right to Development, With Commentaries. A/HRC/54/50/Add.1. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/4020048?v=pdf> (accessed 30 August 2024).

United Nations Millennium Development Goals (UN MDG) (n.d.) Goal 7: Ensure Environmental Sustainability. Available at: <https://www.un.org/millenniumgoals/environ.shtml> (accessed 30 August 2024).

United Nations Sustainable Development Goals (UN SDG) (n.d.) Goal 6: Ensure Access to Water and Sanitation for All. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/water-and-sanitation/> (accessed 30 August 2024).

United Nations Water (UN W) (n.d.) Available at: <https://www.unwater.org> (accessed 30 August 2024).

United Nations Water Conference (UN WC) (2023) Water Action Agenda: UN 2023 Water Conference. Available at: <https://sdgs.un.org/conferences/water2023/action-agenda> (accessed 30 August 2024).

Vergnet Hydro (VH) (n.d.) Available at <https://www.vergnet-hydro.com/vh/en/> (accessed 30 August 2024).

Weiss E. B. (2012) The Coming Water Crisis: A Common Concern of Humankind. *Transnational Environmental Law*, vol. 1, issue 1, pp. 153–68. Available at: <https://doi.org/10.1017/S2047102511000100>

Wiggel M. (2008) Multi-Stakeholder Cooperation in Global Governance. FIIA Working Paper No 58, Finnish Institute of International Affairs. Available at: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2008/11/upi_working_papers_58_2008.pdf (accessed 13 November 2024).

World Bank (WB) (n.d.) Cooperation in International Waters in Africa (CIWA). Available at: <https://www.worldbank.org/en/programs/cooperation-in-international-waters-in-africa> (accessed 30 August 2024).

World Water Council (WWC) (2000) Ministerial Declaration of The Hague on Water Security in the 21st Century. Available at: https://www.worldwatercouncil.org/fileadmin/world_water_council/documents/world_water_for_um_2/The_Hague_Declaration.pdf (accessed 30 August 2024).

World Water Council (WWC) (n.d.) Available at: <https://www.worldwatercouncil.org> (accessed 30 August 2024).

World Water Forum (WWF) (2003) Ministerial Declaration. Kyoto, 23 March. Available at: https://contrattoacqua.it/public/upload/1/2/tab_elms_docs/13278302622-ministerial-declaration-kyoto.pdf (accessed 30 August 2024).

Yamamoto A. (2013) Empowering People Through Integrated Water Resource Management Practices. UN Chronicle, 23 April. Available at: <https://www.un.org/en/chronicle/article/empowering-people-through-integrated-water-resource-management-practices> (accessed 30 August 2024).

Clean Water in Africa: Guaranteed Good, Common Concern of Humanity, or Market Commodity?³

D.A. Degterev

Degterev Denis Andreevich – Doctor of Political Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Leading Research Fellow at Center for the Study of Problems of Transition Economy, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Russia, Moscow, st. Spiridonovka, 30/1; ddegterev@inafr.ru

Abstract

In this article, the author examines the main approaches to water management in Africa in the context of realizing the right to clean water and sanitation. The features of both public and private water management, as well as the public-private approach, are shown. The author also presents the attempts to find a “third way” through decentralization of the management system based on the theoretical developments of Nobel Prize-winner E. Ostrom, a representative of the Bloomington School. Differences in water management in urbanized and rural areas of African countries are shown. In the latter case, the normative and value attitudes of the local community play an important role, and water is not only an important economic resource but also has great socio-cultural significance. The experience of Burkina Faso illustrates the key role of the public operator in water supply, which has generally remained despite the structural adjustment programmes of the 1990s. The article presents the main features of the privatization of water management in the countries of the Global South and the expert criticism that has been gaining momentum in this regard. At the mid-2000s, the anti-privatization agenda shifted to the promotion of the human right to clean water. The process of adoption of United Nations General Assembly (UN GA) resolution 64/292 “The human right to water and sanitation” on 28 July 2010 and the mechanisms for its implementation, including within the framework of the sustainable development goals (SDG 6), as well as the place of water issues in the discussed draft of the International Covenant on the Right to Development are shown. The main stakeholders of the global water governance mechanism within the UN and the World Bank are presented, and the special role of leading water multinational corporations (MNCs) and specialized consulting firms, as well as France, are highlighted. Particular attention is paid to the implementation of the right to water in Africa, including within the framework of the 2019 Guiding Principles on the Right to Water in Africa, Agenda 2063, and the Results Matrix, as well as in national legislation (the case of South Africa). The article ends with conclusions about the current state of implementation of the right to clean water in Africa.

Key words: Africa, right to development, clean water, public-private partnership, tragedy of the commons, common concern of humanity, privatization.

For citation: Degterev D.A. (2024) Clean water in Africa: guaranteed good, common concern of humanity, or market commodity? *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 4, pp. (in English). doi:10.17323/1996-7845-2024-04-05.

³ This article was submitted on 10.06.2024.

Acknowledgments: The article was prepared within the project “The “Clean Water” project as the most important component of cooperation between the Russian Federation and the countries of the Global South: socio-economic and technological dimensions” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2024-546).